

КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

Поэтическое творчество И.А. Бунина проникнуто мыслью о том, что ни одна частичка вечного мироздания не может исчезнуть бесследно, так как подвержена бесконечному вселенскому круговороту: «Сгорим и мы..., но долго не умрет жизнь, что горела в нас когда-то...». Такой подход к пониманию движения, отраженный в стихотворениях «Огни небес», «Затрепетали звезды в небе...», «Призраки», «Ограда, крест, зеленая могила...», «Джордано Бруно», «Памяти», «У гробницы Вергилия» формировался в сознании И.А. Бунина постепенно.

Уже ранние его стихотворные произведения – не просто описание статичных картин природы. Поэт замечает дрожащую алмазом звезду на небосклоне и падающую на взгорье радугу, скатывающиеся во мраке с ветвей капли и причудливо стелющиеся на снегу тени, ощущает струящийся аромат сена и дыхание «раскрытых до пня» лесов, слышит шелест сухого бурьяна и шипение орленка в гнезде, видит, как «отовсюду точки пчел плывут», как сереет и сохнет на солнце полынь.

Для Бунина характерна не только фиксация перемещения природных объектов в пространстве. Важная отличительная черта его поэзии – движение во времени. Уже в раннем творчестве оно представлено через циклы смены времени суток («Бледнеет ночь... Туманов пелена...», «Неуловимый свет разлился над землею...», «И вот опять уж по зарям...», «Рассвет», «Утро», «Все лес и лес. А день темнеет...», «Не угас еще вдали закат...», «На озере») и смены пор года («Ветер осенний в лесах подымается...», «В степи», «Три ночи», «Листопад», «Первый снег»). Как справедливо заметила Л.А. Смирнова, «Бунину отнюдь не свойственно противопоставление пейзажной живописи философскому поиску. Отрицать важную роль этого поиска ... просто невозможно» [1, с. 15]. Действительно, в некоторых из упомянутых произведений наблюдения за природными циклами заставляют поэта задуматься о круговороте жизни и смерти. Показательно в этом отношении стихотворение «Ветер осенний в лесах подымается...» (1888). В лесу царит осень, но уже «веет зимою, морозными выюгами», под которыми погибнет все мертвое, слабое «и возвратится во прах». Отметим: употребленный поэтом глагол возвратится подчеркивает завершенность цикла. Далее Бунин указывает на связь и значение каждого звена непрерывной цепочки: слой снега скрывает мертвую листву, под которой «дремлет побегов и трав

прозябание, сок животворных корней». Наблюдатель делает для себя удивительное открытие: не всегда непрерывный жизненный процесс сопровождается какими-то внешними проявлениями. Внутренняя жизнь не менее, а, возможно, и более важна: «Жизнь зарождается в мраке таинственном. / Радость и гибель ея / Служат нетленному и неизменному – / Вечной красе Бытия!» Восемнадцатилетний поэт сделал попытку связать понятия, ставшие впоследствии во многом основополагающими в его творчестве: жизнь и вечность.

Дальнейшее целенаправленное и систематическое наблюдение за природой, упорная работа над развитием собственного духовного мира, накопленный поэтический опыт и глубокие душевные переживания привели Бунина к раздумьям над философскими вопросами мироздания. Поэта интересует цель жизни всего, включенного в мировой круг. Ведь даже облачко существует ради чего-то, но – чего? Размышления об этом изложены в стихотворении «Высоко в просторе неба...»: «Не затем ли ты возникло, / Чтобы в вечном отразиться? / Не затем ли ввысь стремилось, / Чтоб под солнцем раствориться?» Что подразумевает здесь автор, говоря о вечном? Во-первых, возможно буквальное объяснение: облачко отражается в океанских водах – вечной стихии. Во-вторых, облачко, возникшее из холодного тумана болот и угасшее над океаном, есть составная часть круговорота воды, постоянно происходящего в природе. В-третьих, облачко, запечатленное в поэтическом произведении, подводит нас к авторской мысли о том, что истинная жизнь – это жизнь, оставившая свой след в вечности.

Исключительное внимание поэт уделяет проблеме цикличности человеческой жизни («Эпитафия», «Джордано Бруно», «Пустошь», «Могила в скале», «Дедушка», «Псалтирь», «Настанет день – исчезну я...», «Луна»), а также любого живого организма, например, шмеля («Последний шмель»), моли («В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...»), звезды («Мира») и, конечно, исторических эпох («Лесная дорога», «Ра-Озирис, владыка дня и света...», «Стамбул»). Бунин не покидает ощущение постоянного движения человека в этом мире. Воспринимая человека как физический объект, поэт раскрывает его движение в теме странствий, основываясь на впечатлениях, полученных во время собственных многочисленных путешествий («Венеция», «Капри», «Индийский океан», «Цейлон», «В жарком золоте заката Пирамиды...», «Храм Солнца», «Иерусалим», «В Москве», «В поезде», «Nel mezzo del camin di nostra vita»). По убеждению Бунина, «всякий дальний путь – таинство: он приобщает душу бесконечности времени и пространства» [2, с. 12]. Посещая исторические места, становясь сопричастным событиям, связанным с ними. Особенно четко этот процесс отображен в стихотворении «Могила в скале».

При вскрытии древней могилы на полу преддверия «На голубом и тонком слое пыли, / Нашли живой и четкий след ступни». Пронзая пространство и время, ассоциативное мышление переносит лирического героя в тот давний день и час, когда кем-то неизвестным был оставлен на этом месте отпечаток ноги, и в это мгновение «Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет / Умножил жизнь, мне данную судьбою». Так человек, способный остро чувствовать не только свое, но и чужое время, может ощутить связь с вечностью.

Человеку присуще и постоянное внутреннее движение. Проявления его разнообразны. Больше всего внимания Бунин уделяет движению человеческой мысли, благодаря которой становится возможным перемещение во времени в любом направлении: в прошлое («По вечерней заре», «Стояли ночи северного мая...», «Детская», «Отрывок», «Памяти друга», «Матери», «При свече»), в грядущее («Лес, – и ясно-лазурное небо глядится...», «Спокойный взор, подобный взору лани...», «Судра», «Судный день», «Александр в Египте», «Могильная плита»). Воспоминания о детстве, близких людях, любви всегда наполнены светлым чувством. Лишь иногда к нему присоединяется легкая грусть – ведь все это уже в прошлом... Будущее же порождает множество вопросов и тоски о том, «что проходят года», приближая к концу существование в этом мире: «Жизнь впереди, до старости далеко, / Но вот и я уж думаю о ней... / О, как нам будет в мире одиноко! / Как грустно на закате наших дней!»

Результатом внутреннего движения, происходящего в человеке, являются и эмоциональные перемены («Мистику», «Сквозь ветви», «Спутница», «Одиночество», «Диза», «Келья»). Сюда же относятся и перемены настроения, возникшие под влиянием природных явлений: тоской и грустью веет осень («Осыпаются астры в садах...»), уже не печалит пахнущий весенней сыростью сад («Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...»), радует сердце внезапно выглянувшее из-за тучи солнце («Голуби») и т.д. Цикл стихотворений о любви («...За-чем и о чем говорить?...», «Счастлив я, когда ты голубые...», «Беру твою руку и долго смотрю на нее...» и др.), описывающий зарождение, развитие, кульминацию и угасание чувств, мучительную тоску потери и стремление к новому счастью, также представляет интерес, ибо, по мнению поэта, «плотская чувственная любовь служит мостиком в иные миры» [2, с. 337].

Одним из излюбленных поэтом приемов перемещения являются сны, уносящие за грань реальности («...И снилось мне, что осенней порой...», «Зной», «Сказка», «Мушкет», «Сон епископа Игнатия Ростовского», «Сон» («По снежной поляне...»), «Сон» («Царь! вот твой сон...»), «Дочь», «Все снится мне заросшая травой...»). Сон – одно из так называемых онейрических состояний, во время которого проис-

ходит «выпадение в иное измерение, более истинное, в котором раскрываются теневые и более глубокие слои нашего сознания и... происходит столь желанное Бунину слияние с душой мира» [2, с. 126].

Бунинское «внутреннее чувство вечного движения сопряжено с грустью о краткости человеческого существования, хотя и с верой в сохранение духовного начала» [1, с. 62]. По убеждению поэта, жизнь человека, особенно творчески активного, продолжается в памяти о нем и его делах после смерти физического тела: «Прошли века, но слава древней были / Жила в веках... Нет смерти для того, / Кто любит жизнь, и песни сохранили / Далекое наследие его». Развитие человечества Бунин «представлял как смену «кругов» культуры, обновление ее связывал с духовным подъемом народов» [2, с. 53]. Герои его стихотворений – прежде всего люди мыслящие, духовно богатые. Их внешний облик остается нам не известен. Но сложность, красота и многообразие внутреннего духовного мира предстают во всей широте и масштабности. Это и взошедший на крест за грехи людские Иисус, учение которого живет уже более двух тысяч лет («В Гефсиманском саду»). Это и великие ученые, согласные скорее принять мученическую смерть, чем отказаться от своих убеждений («Джордано Бруно»). Это и знаменитые поэты, запечатлевающие прекрасные мгновения жизни и проносящие их сквозь время («Портрет», «На высоте, на снеговой вершине», «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...»). Это и дерзкие, способные на протест личности («Каин», «Эсхил»). Это и воины, павшие в бою за свое отечество («Любил он ночи темные в шатре...»). Это и прославленные не только красотой, но и делами женщины («Гробница Сафии»). Это люди разных эпох, разной социально-политической и религиозной принадлежности, но, по словам И.А. Бунина, сказанным во время вручения ему Нобелевской премии, имеющие «нечто незыблемое, всех нас объединяющее: свободу мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизацией» [3, с. 331]. Пока существуют такие люди, не прервется вечный жизненный круг, поэтому вера в цикличность жизненных явлений вселяет в сердце поэта оптимизм («Этой краткой жизни вечным измененьем...», «Кедр», «Присела на могильнике Савуре...», «Свет»): «Этой краткой жизни вечным измененьем / Буду неустанно утешаться я».

Бунин уверен, что отсутствие движения мыслей и чувств порождает бездействие, т.е. приводит человека к духовной гибели: «Горько думать, что пройдет / Жизнь без горя и без счастья, / В суете дневных забот, / Что увянут жизни силы без борьбы и без труда».

Итак, по мысли И.А. Бунина, движение – это жизнь, а истинная жизнь стремится к вечности, к тому, чтобы оставить в ней свой след. Именно об этом размышляет поэт в своем поэтическом творчестве, а категории пространства и времени – своеобразный ключ к толкова-

нию многих его стихотворений.

Литература:

1. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
 2. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870-1953. – Frankfurt / Main-Moskau: Посев, 1994. – 432 с.
 3. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. – Т.9. – М.: Художественная литература, 1967. – 622 с.
-

Насонова Ю.В.,
аспирантка кафедры
психологии и коррекционной работы
УО «ВГУ им. П.Машерова», г.Витебск.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Проблема социальной депривации достаточно широко изучается в современной психологии. В результате многочисленных исследований депривированных детей были описаны нарушения, затрагивающие все сферы их психического развития[1;2;5]. Эта проблема очень актуальна, поскольку число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, продолжает расти. От учреждений образования требуется большое внимание к вопросам правильной организации работы в государственных детских дошкольных учреждениях закрытого типа. В нашей стране сложилась определенная система, обеспечивающая целенаправленное развитие и воспитание детей в детских домах.

Для изучения социальной депривации поворотным пунктом явилась монография Боулби «Материнская забота и психическое здоровье», изданная Всемирной Организацией Здравоохранения в 1951 году, в которой собраны результаты проведенных исследований[3]. Заключение, выводимые Боулби из многочисленных исследований, можно подытожить следующим образом: ребенок с раннего возраста должен воспитываться в атмосфере эмоциональной теплоты и должен быть привязан к матери на основании интимных и стойких эмоциональных связей, которые для них обоих представляют источник удовлетворения и радости. Ситуация, при которой ребенок стра-